

Николай Златовратский

Город рабочих

Николай Николаевич Златовратский

Город рабочих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631185

«Златовратский Н. Н. Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки»: Современник; М.: 1988

Аннотация

«— А ведь здесь, действительно, хорошо у вас! Как хотите, а я начинаю не доверять вам. Судя по тому, как вы расписывали свою «милую родину», я не ожидал вступить в нее в таком хорошем настроении, — сказал я одному из своих спутников, хмурому, насупившемуся черноватому молодому человеку...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Николаевич Златовратский Город рабочих¹

I

– А ведь здесь, действительно, хорошо у вас! Как хотите, а я начинаю не доверять вам. Судя по тому, как вы расписывали свою «милую родину», я не ожидал вступить в нее в таком хорошем настроении, – сказал я одному из своих спутников, хмурому, насупившемуся черноватому молодому человеку.

Мы переправлялись на тяжелом дощанике² через большую реку.

– Да, природа – ничего, жить можно. А вот посмотрим, что-то вы скажете после, когда увидите нашего «царя природы», – сурово отвечал мой сосед.

– Конечно, если вы будете смотреть на все глазами этого буквоеда, насквозь прогноенного бурсой, то лучше вам вернуться назад, – нетерпеливо перебил другой мой спутник, белокурый молодчина, с русою, только что пробивающейся

² *Дощаник* – речное плоскодонное судно с палубой или полупалубой, род большой гребной лодки, а иногда и парусной, для переправы, для перевоза тяжелых грузов.

бородкой по широкому подбородку. — Я уверен, что, вместо этих берегов, которые еще вас, слава богу, восхищают, он видит одно бесконечное кладбище, уставленное крестами; вместо вон тех живых людей, которые там копошатся в горе, в алебастровых копиях, он видит сухие, заскорузлые формулы и производит над ними какие-нибудь отвлеченные вычисления. Нет, право, если вы так же... право, лучше не ездите, лучше вернитесь назад, потому что все, что вы после скажете, будет не то.

Хмурый молодой человек только что-то промычал в ответ на эту реплику, а я улыбнулся.

Нас было трое, исключая перевозчика, который мало интересовался нами: я, хмурый брюнет, готовившийся сдавать экзамен на кандидата, и кудрявый коренастый мужчина, когда-то сбежавший с последних курсов бursы в народные учителя. Первый, Попов, был сын священника; второй, Полянкин, сын крестьянина.

Так как эти контры и пререкания между моими спутниками, органически, казалось, им присущие, были мне давно знакомы, то я мог не особенно тревожиться ими и продолжать любоваться прелестью летнего вечера на реке.

Заходящее солнце вкось обливало реку целым потоком ласкающих лучей, которые, ударяясь в правый берег, постоянно играли на нем разнообразными переливами света и теней: вот сейчас заросшее дубняком ущелье в скалистом берегу казалось погруженным во мрак, темное, дикое, а через

минуту все оно сверкало яркой зеленью с золотистым отливом, все радостное, веселое, светлое. Мы огибали крутой выступ, когда Полянкин сказал мне:

– Ну, приготовьтесь... Вот сейчас вы увидите нечто такое, что уж, конечно, не думали встретить на какой-нибудь речонке в Великороссии. Вам, конечно, по меньшей мере нужен Кавказ или Швейцария. Тогда ваше восхищение не будет иметь границ только потому, что все это давно воспето в стихах и прозе... Ну-с, что же, плохо? – волновался мой экспансивный друг, переводя глазами с расстилавшейся перед нами изумительно прекрасной дали на мое лицо.

– Да, хорошо. Ведь уж я сказал, что хорошо, – отвечал я.

– Сказал! Но ведь как сказать... Этого мало. Надо почувствовать всем сердцем. Надо... надо полюбить! Вот когда не будет лжи, – говорил он, очевидно, адресуя свои замечания к нашему хмурому спутнику. – Впрочем, и то сказать, *как* полюбить!

Полянкин совсем расхотелся: сильный, коренастый, но живой, впечатлительный, он махал руками, двигая взад и вперед ногами и туловищем, снимал фуражку и ерошил волосы; лодка постоянно рисковала хлебнуть воды. Но Попов хладнокровно от времени до времени откашливался с недовольным мычанием.

– А вот и *вечевой град* наш, – проговорил он с очевидной иронией в голосе. – Рекомендую полюбоваться. Некоторым образом идеал, уже воплощенный в действительности.

– Ну что же? Конечно, вечевой³, – нетерпеливо опять перебил Полянкин, – но это, прежде всего, город рабочих.

– Поучительное явление. Есть над чем подумать, – продолжал Попов.

– Вот это верно, что поучиться есть чему, потому что и в малой капле вод отражается небо. Я против этого ни слова. Но только ведь не всякому внуку на пользу наука, – заметил Полянкин.

Пока мои приятели перекорялись, я в изумлении смотрел на открывшуюся передо мной картину. Это было нечто очень своеобразное: направо лежала бесконечная зеленая пойма, по краям которой оазисами мелькали или группы деревьев, или белые церкви, или ближе к реке кучки изб на высоких столбах, вроде свайных построек, – это были сельские конторы или лесопилки. Весь плоский песчаный берег уложен смолистыми плотами. Влево, напротив, почти на четверть версты, тянулась высокая и совершенно отвесная скалистая стена, в которую бились тихие волны и в которую теперь ударяли косые солнечные лучи. Вся стена была вдоль прорезана разноцветными поясами пластов: белый алебастровый слой сменялся красной глиной, желтым песком. Контраст этой стены с зеленой равниной поймы и серебряною далью реки был поразителен и оригинален.

³ *Вечевой город* – город, где высшим органом власти было народное собрание – вече. Вечевое управление существовало в некоторых городах Древней Руси в X—XI вв. (Новгород, Псков и др.). Здесь имеется в виду общинное управление «города рабочих».

И вот наверху этой стены был перед нами *город рабочих*: кресты высоких причудливых колоколен и церквей, стены каменных домов и маленьких лачуг, лепившихся по скатам холмов, зеленая листва садов — все это ярко искрилось золотистым светом от закатывавшегося за поймой солнца.

Внизу, там, где отвесную стену берега прерывает глубокая ложбина оврага, составляющая единственный путь из города к реке, стоял у пристани пароход, запасавшийся дровами.

Мы пристали около этого же места и стали подниматься в город по избитой, расщепавшейся бревенчатой мостовой.

II

Городрабочих, как называл наш спутник – «сын народа», собственно не был город: это было большое промышленное село, с десяти тысячным рабочим населением, с обычным крестьянским самоуправлением⁴, и представляло собою скорее сконцентрированную в одно селение целую *волость*, чем село; притом же от обычного представления о селе его отличало то, что среди этих 10 тысяч рабочих не было ни одного занимавшегося земледелием, хотя все село получило обыкновенный надел, «по душам», впрочем, в очень незначительном размере. Издавна, чуть не столетие назад, здешний рабочий сделался кустарем-ремесленником стальных изделий, и так как основная и самая большая часть населения состояла именно из этих самостоятельных кустарей-рабочих, равноправных граждан в своем населении, то мы и оставим за этим последним название *города рабочих*.

Да, это был, действительно, город рабочих. Едва мы выбрались из ложбины оврага и поднялись на гору, как нас сразу охватила та особая характерная атмосфера, которая свой-

⁴ ...с обычным крестьянским самоуправлением... – по «Положениям» 19 февраля 1861 года сельское общество (одно село и прилегающие земли) являлось самоуправляющейся административной единицей, а несколько смежных сельских обществ составляли более крупную самоуправляющуюся административную единицу – волость.

ственной мастерской: визжание напилков, стук молотков, лязганье железных полос, шипенье колес у станков. Это был звенящий шум целой армии гигантских кузнечиков, и, что изумительнее всего, этот гул точно так же исходил неведомо откуда: вы слышали его справа, слева, сзади, из густой чащи зелени. Мы переходили целый ряд часто пересекающихся пыльных переулков, замечательно похожих одни на другие: по обе стороны стояли трехконные, с тесовыми крышами, иногда двухэтажные, на городской манер, домики, с обязательными почти занавесками (белыми или разноцветными на окнах), с горшками гераней и фуксий, с длинными заборами, оберегавшими зеленые садики, из густой чащи которых, казалось, и неслись эти сплошные звенящие звуки. Это и были дома кустарей. В каждом из них, в нижних этажах или в задних пристройках, были собственные мастерские, в которых и работала вся семья хозяина. Мы почти никого не встретили на улицах в этот час, разве иногда пожилая женщина в ситцевом домашнем платье, с озабоченным лицом, выглянет в ворота с ведром в руках, взглянет на солнце и скроется опять, или вдруг выскочит прямо из окошка мастерской чумазый, закоптелый, с ремешком на голове, с открытым воротом на черной груди мальчуган лет 7-8, швырнет мимоходом камнем в стаю воробьев, пронесется, подпрыгивая на одну ногу, мимо нас и через две минуты уже скачет назад от соседа с напилком или молотком, да изредка лениво потягивавшиеся псы у ворот хрипло тявкали на нас,

прищуривая глаза. Было как-то особенно торжественно-пустынно в этой мирной трудовой обители. Кругом не виднелось пока ни высоких фабричных труб с гнетущими корпусами-острогами, со зловещим свистом – этою эмблемой каторжного, подневольного труда. Это была окраина – часть города рабочих, населенная коренным кустарем-хозяином.

– А вот и наша *храмина*, – сказал Полянкин. – Вон, вишь ты, и батька как раз проветриваться вышел.

Влево, у двухэтажного трехконного домика, с зелеными ставнями и большим густоветвистым вязом сзади, показалась высокая, коренастая, голая по самый пояс, в одних камлотовых шароварах, бородатая и лысая фигура. Уперев одну руку колесом в бок, а другой заслоняя от солнца глаза, она вглядывалась пристально в нас.

– Здравствуй, – сказал Полянкин отцу, подходя к нему и пожимая его мускулистую широкую ладонь. – Вот гостей веду...

– Добре, добре, – ласково говорил старик, по очереди каждому из нас подавая руку, предварительно вытерев ее о грязный суровый фартук. – Милости просим. Кстати, главное дело... Мы уже зашабашить хотим. Разве вот еще полчаса, пока мать самовар ставит. Проходите-с в *парадную*, пожалуйста. Меня уж извините, что я, значит, как бы совсем без мундира, – прибавил он, хлопая широкой ладонью по здоровой, мускулистой голой груди. – Что сделаешь, обиход рабочий... Мы так-то все, не то что летом, а и зимой щеголяем...

Пожалуйте-с.

Прежде чем идти в «парадную», мы, однако, сначала спустились в мастерскую. В ней усиленно работало несколько человек, больших и малых, очевидно торопясь поскорее закончить дневной урок. Мужчины почти все были голы по пояс, как и хозяин; ребятишки всех возрастов были чумазы и черны, как галчата, и сквозь копоть на их лицах бойко сверкали только синеватые белки глаз. Две молодые женщины и одна девушка-подросток работали в стороне, покрывая сделанные вещи олифой. Мастерская исключительно делала замки, и притом замки не больше как двух-трех типов, самых дешевых и обиходных. Все части замка делались «от руки»: кто выпиливал дужки, кто стенки, кто сверлил ключи. Таких частей, наделанных за неделю, лежали целые кучи около каждого мастера. Легко можно себе представить, как быстро должна была готовиться каждая часть и сколько их нужно было сделать, если сказать, что готовый такой замок покупается в лавках за 5-10 коп. (а ведь замок, как бы он прост ни был, все же механизм сложный), кустарь же сбывает их скупщикам за 15—20 коп. дюжину. Эти цифры могут служить типичным указателем всех вообще экономических норм, установившихся в «городе рабочих»: они укажут, сколько должен сработать, например, замков кустарь в день, чтобы пропитать семью (в периоды промышленных кризисов, когда цены падают еще ниже, часто семья всю неделю работает с раннего утра до глубокой ночи, едва зарабатывая

пропитание), как велика должна быть скорость рук в приготовлении каждой части без всякой почти помощи машин.

Из рабочих мужчин один был старший сын хозяина, уже женатый, другой – брат, холостой, двое – рабочие по найму; из женщин одна была жена сына, другая вдова после умершего брата; мелкота же – все были хозяйские дети. Молодой Полянкин наскоро и весело поздоровался со всеми и стал нам показывать разные способы приготовления замков. Он по очереди становился на место того или другого из мастеров, чтобы показать, что он не забыл ни одной отрасли родовой работы.

Он оказался, действительно, мастером на все руки, что было очевидно из молчаливо поощрительных улыбок мастеров, которые передавали ему инструмент.

– Погодите, братцы, только еще денька три: вздохну малость после экзаменов и тогда уж заправски стану с вами, – сказал Полянкин и перекрестился в подтверждение своих слов, – вот, ей-богу же, не надую!.. То есть так, братцы, хочется руками поработать... просто до зуда. Всю зиму ни за что не брался, разве что дрова рубил.

– Поди, как отец тогда тебя расхвалит. Ноне же обороты-то у нас не хвали, – отвечали мастера.

– Верно, встану. На все лето. Только вот со своими господами немножечко пожуирую *по этой части*, – иронически подмигнул он на нас, повертев пальцем около лба.

– Ну, проходите сюда, Павел. Не смущайте там народ-то! –

крикнул сверху хозяин.

Мы вошли в «парадную». Старик уж «зашабашил по случаю гостей», как заявил он, умылся и надел старенький камлотовый пиджак. В парадной половине, действительно, все было «парадно»: на окнах коленкоровые занавески и горшки с цветами; по стенам старенькие плетеные стулья; столик, покрытый вязаной скатертью, комод с посудой, часы с кукушкой, керосиновая лампа с абажуром из папиросной бумаги и, наконец, в углу кровать за большим ситцевым пологом со сборками. Все чистенько, простенько, по-мещански и по-домостроевски. По-домостроевски, сановито и степенно строго держал себя и старик; по-домостроевски нес он звание хозяина, отца, мужа и владыки очага, сурово покрикивая на свою жену, сухую, пожилую и добрую женщину, хлопотавшую около самовара и все конфузившуюся незнакомых людей, несмотря на свои пятьдесят лет; поглощенная хлопотами, она даже и с сыном не нашла времени или боялась «при других» поздороваться; сын, впрочем, скоро опять убежал вниз, оставив нас со стариком.

– Видели наше поселенье, проходили? – спросил старик, начиная с великим удовольствием всхлебывать с блюдечка чай.

– Нет, еще мало, только с реки вид хорош.

– Хорош?.. Ведь город, а?.. Совсем город! Собор, семь церквей... Собор не видали?.. У нас насчет божественного радетели есть... Везде певчие, дьякона на выбор... У нас это

хорошо, есть за что похвалить... Город ведь, а? Совсем город? – переспросил старик с видимым удовольствием.

– Постоит еще другого города.

– Постоит!.. У нас уж кое у кого из богатеев есть это помышление, чтоб, значит, вполне на городское положение перейти. И записку уж в сенат подавали... Подавали, слышно было...

– Что же, вам нравится это?

– Нет, нам не нравится. Да к чему? Для нас так-то больше чести: вишь ты, село, деревня мужицкая, а еще почище другого города будет! Мы и так, значит, на городском счету, – чего ж еще? Да ведь кабы улучшение от этого какого ждать...

– А вы не ожидаете?

– Нет. Это ведь богатейская забава... Пользы нельзя ожидать... Отказали, – да, отказали... И лучше, пожалуй, – серьезно говорил старик, во что-то вдумываясь. – Так думать надо, что этой затее все *сам* же препону положил.

– Кто же это *сам*?

– *Сам*-то? – улыбнулся хитро старик. – Не знаете? Державу-то нашу? Это у нас Петр Бессменный, голова нашим дурацким головам... Это будет Петинька-кормилец, Петинька – отец наш родной... Вот кто он у нас, *сам*-то! Слава богу, вот двенадцать, должно быть, уж годков за ним, что у Христа за пазухой, проживаем... Да!

Старик как-то особенно хитро и двусмысленно вел весь этот рассказ про старшину.

– Полюбили уж очень вы его, – заметил мой хмурый спутник с обычной иронией.

– Полюбили? Полюбишь!.. Полюбишь, брат!.. Да. Вот он и такой, и сякой, а вот двенадцать годочков бессменно на своем положении стоит, и никакой такой силы нет, чтобы его снизвести... О, о!.. Нет, тут, брат, подумаешь снизвести-то его... Вот ты и гляди... И вор-то Петинька, и мошенник, и мироед, и притеснитель, – всяко про Петиньку говорят, а вот снизвести не могут... Кто ни пытался его снизвести: и губернаторы, и прокуроры, и всякие члены, и чины, – одни наши богатеи сколько хлопот и денег на это самое дело ухлопали, а где теперь эти губернаторы, и прокуроры, и всякие чины? Про них только сказки остались, а Петинька Шалаев все при нас державу держит... Так-то, милейший человек, вот ты ученый человек, а как скажешь на это? Нужно на это дело ума али не нужно? – спросил старик не без тайного ехидства Попова, которого он, по-видимому, знал хорошо.

Попов только повернулся на стуле и сердито молчал.

– Так это он, говорите вы, против городского положения идет?

– Кому же больше? Никто, как он. Ведь он кем жив? Нами, простым народом. Тут вся и жисть его, что в нас... Голодным народом жив, вот кем!.. А на городском положении ему сейчас смерть! Потому на городском положении вся сила в богатеи... Бедному простому человеку там делать уж будет нечего... Ну, без бедного человека и Петиньке смерть. Тут

ему и конец. Так тут, хочешь не хочешь, и нас полюбишь. Вот он нас и любит, а мы его своей любовью не покидаем. Так у нас и идет вкруговую... по любви... И живем еще как ни то... Вот у нас чем люди-то живы! Хе-хе-хе!

И старик засмеялся каким-то странным, сухим смехом.

– Это возмутительно! – вдруг вскакивая в волнении со стула, заговорил Попов, обращаясь ко мне одному. – Вы только представьте себе: мироед, который никому вздоху не дает, который расходует все общественные деньги без всякого контроля: самый этот контроль делается немыслим, потому что их пресловутое *вече* – это не больше, как двухтысячное стадо баранов, из которых половина этим *самим* закуплена, запоена, задобрена, а другая – запугана, задавлена. Ведь здесь нельзя слова свободного сказать, потому что завтра же, кто осмелится только не согласиться с этим *самим*, будет отправлен туда, куда Макар телят не гоняет. Ведь это... это один ужас!.. А вот они все так здесь с смешком да с ужимочкой говорят... А ведь вы только одно представьте, что здесь на десятитысячное рабочее население одно училище, больница только на три койки и больше никаких общественных заведений безусловно: ни библиотеки, ни технических музеев или училищ, ни театра. Вы книги, самой пустейшей книжонки ни у кого не встретите! Вот вам и «город рабочих»!.. Вече!..

Попов еще волновался, а старик все не переставал смеяться. Но потом он вдруг сделался серьезен и даже суров, сдви-

нув густые белые брови и набрав морщины на лбу.

– Это верно, верно, все верно, – заговорил он, покачивая головой, – вот до чего довели! Беда, разврат народу совсем! На глазах вот, так и видим, как народ портится. *Патъи*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.